

Невообразимое осознание

Эргис Зора Маври Пскур

Эргис Зора Маври Пскур

Невообразимое осознание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70981216

SelfPub; 2024

Аннотация

Незначительный купец отправляется в соседний город в составе каравана, чтобы обеспечить родной город продовольствием. На пути каравана происходит загадочное и завораживающее явление, которое заставляет купца пожертвовать всем ради разгадки его природы. Этот выбор приводит его к потрясающему откровению, изменяющему его разум навсегда.

Эргис Зора Маври Пскур

Невообразимое осознание

Размывая прежде пыльные и сухие тропы, являющиеся торговыми путями, создавая на их лице липкую и холодную жидкую смесь самого наинеприятнейшего цвета, в которой уж точно ни при каких обстоятельствах не прельщалось бы испачкаться, иль даже о которой тошно было бы подумать, успокаивая неугомонное существо внутри меня самого, препятствуя каким-либо сенсорным раздражителям, создавая определённый шум, будь то что-то зрительное своим туманом, ограничивающим кругозор в одну улицу, будь то что-то слуховое своими нежными и грубыми постукиваниями по всевозможным поверхностям, в шуме чьём можно распознать и чувствовать любой другой знакомый шум, или будь то что-то тактильное своим прекрасно глубоким и охлаждающим массажем, который не сравнить ни с каким другим ощущением, шёл плотный и рваный дождь. Наш старый промышленный городок из горной породы вновь погрузился в тоску.

Вопреки ужаснейшей непогоде, нашему каравану всё же пришлось собраться. На это повлияло множество факторов, к примеру такие, как потребность в поддержке экономики города, переизбыток самого продукта, а также личные убеждения купцов в том, чтобы поток торговли не застаивался.

Все сумки с товаром были уже совсем давно мокрыми насквозь, скот, к слову, тоже, однако их судьба нас особо не волновала, хоть они и имеют значительную роль во всей экономике города, ведь не на спине же всё носить. Да прочь эту скотину, почему же мы не беспокоимся о своём здоровье? Точнее сказать, почему же я не беспокоюсь о своём здоровье? Молвлю так, словно хоть раз в жизни спрашивал мнение окружающих. Да в самом деле! Неужели ли я по истине чистый купец по своей натуре, есть ли это моя сущность? В действительности ли эта профессия неотделимая часть моего сознания, моей личности, что её ценности заведомо превышают иные? Всю жизнь я трясся в мандраже за товар, а обо всём другом позабыл. Видимо, так оно и должно быть. Видимо, так оно и будет всегда.

Когда последний странник собрал своих животных, я стоял на верандочке харчевни, облокотившись на стену, и попивал свой напиток, заказанный недавно в этом же трактире. Из-за самой хлипкой структуры веранды и характера погоды я вовсе не был защищен под крыльцом, вода свободно поступала сюда, отчего я хлебал разбавленный водой напиток. Загадочное название «Плуг», однако, никак не отсылало к ингредиентам жидкости в бокале, взаправду, к чему же именно плуг? Может быть, ингредиенты данного напитка растут на вспаханной земле? Или напиток удивительным образом заставляет думать о плуге? А ведь в действительности так! Глотнул, и думаешь, почему же плугом прозвали,

ведь в наших краях издревле не занимались земледелием. Несомненно, что если спросить бармена, который придумал этот коктейль, то он наверняка расскажет о том, как долго наблюдал на чужбине за работой какого-нибудь крестьянина и ему внезапно пришла идея создать этот невероятный напиток, который, как нельзя кстати скажу, что на вкус совсем не имеет подобия! Или вот что насчёт других авторских напитков, в особенности то же "Ритуальное убийство". Каким же образом вообще может взбрести мысль назвать напиток в эдаком роде? Поистине, автор хотел изначально придумать что-то экстравагантное. И как же можно в этом случае позабыть о «Тринадцати атэ»? Что же такое это «атэ»? И почему этого «атэ» тринадцать? Разумеется, все мои значимые вопросы можно излить тому самому бармену, но буду ли я искренне рад раскрытию тайн? Есть что-то в этом, в незнании. Стоило мне постоять здесь, на крыльце, как мне удалось придумать целую историю создания названия для напитка. Но истина определённа проста до жути, ибо главная цель продавца – заинтересовать покупателя товаром, а как это сделать – каждый выбирает сам.

Допив «Плуг», я зашёл в корчму, чтобы вернуть бокал бармену. Он вовсе не беспокоился за них, несмотря на то, что их очень легко украсть. А всё просто – бокалы были сами по себе ужасными на вид, хоть и были, быть может, из самого крепкого материала в нашем городе вообще, но в наших реалиях, когда жить стало проще, когда можно в целом

и позабыть про заботы о будущем, ценится отныне эстетичность, а не практичность.

В корчме был довольно тусклый свет, видимо обычно это заведение надеялось на яркий дневной свет, судя по широким окнам по всей площади стен, однако сегодня был совершенно не этот день. Пахло сыростью, и было здесь, как бы странно это ни звучало, по-уютному дискомфортно. Потолок был низок и давил на душу, а столики с посетителями стояли напрочь плотно. Протискиваясь чрез толпы посетителей, я приближался к бармену. Выглядел он очень интересно: почти лысая голова, на которой были очень роскошные усики и сросшиеся брови. Сам же он был в цветастой зелёной вязаной широкой кофте, покрывающей шею, и был этот бармен слегка манерным.

Отдав стакан и повернувшись, я лицезрел то, что весь взор посетителей харчевни был на мне. Мне изначально показалось, что причиной сему был мой промокший внешний вид – это было отчасти правда, однако ко мне подошёл направляющий и проинформировал, что все только меня и ждали. Сперва мне даже не удалось распознать его, он вышел откуда-то сбоку и подкрался совсем беззвучно, как всегда в очередном новом наряде. На этот раз у него была светло-серая шинель, зашитая различными кармашками, которые уж точно не были чем-либо заполнены, под шинелью у него была в некоторых заплатках рубаха цвета марун и изумрудный платок в полосочку, а на ногах были строго прямые брюки,

совсем серые. Как-никак, мне было в удивление узнать, что весь караван сидит здесь и ждёт меня, хотя я стоял непосредственно у двери, однако, признаться честно, я и сам особо не замечал, что кто-то проходит мимо меня, уж тем более и не запоминал по лицу, кто же такой проходит. Очевидно, что я их может быть задержал, но мне было ни капли вовсе не стыдно, поэтому я промолчал в мокрую ладонь и направился со всеми в старый, но такой родной хлев.

Мы шли кучкой по земляной пасте как стая, так как от обильности дождя наш обзор был значимо ограничен, отчего мы запросто могли потерять друг друга, и находясь в такой толпе открытая для дождя площадь тела уменьшалась, что позволяло меньше намочиться, а хотя быть может, каждому просто хотелось вести разговор, поэтому мы сомкнулись и шли как единое целое. Когда мы приблизились к хлеву, направляющий ускорил свой шаг и раскрыл для нас врата, демонстрируя своё господство и напоминая, что он направляет весь караван. Взойдя в хлев, наша толпа рассеялась, словно взорвалась.

Пред глазами раскрылась живописная картина, написанная серыми красками: намоченные доски казались ещё более тёмными, покрытие из сухой травы промокло и было сравнимо с кашей, а сегодняшняя пасмурность погрузила здесь всё во мрак. Я прошёлся по хлеву вдоль и завернул направо, где встретил свою грубую и гордую скотинку и две свои смешные ласковые животинки: на троих было нагроможде-

но в общей сумме примерно пара десятков товара. По гаму и шуму шагов я распознал, что все уже начинают выходить и собираться. Я бегло проверил связку товаров на животинках, а самих животинок привязал к скотине, затем протёр обувь травой от грязи, запрыгнул на скотинку и приказал ступать. Направляющий гордо стоял у самых ворот на своей повозке, рассматривая нашу толпу и считая количество готовых. Ближе к нему караван смыкался в большей степени.

Наконец, все собрались и направляющий вывел нас из хлева, закрыв его за нами. Наш караван достойно продекларировал, что отправляется в город под склонами, у побережья. По размытой тропе было трудно ступать, но неоспоримо возможно. Удивительно, но в этот момент умиротворения, когда все заботы позади, а впереди лишь долгий счастливый путь туда и обратно, я наконец смог почувствовать обворожительный запах свежести и спокойствия, словно я потерял тягу к жизни, не зная что такое восторг, ужас, гнев и горе. Может, мне стоит стать монахом? Чтобы заработать вечный покой и познать, что кроется после моей смерти. Вряд ли в своём нынешнем образе, при жизни, я смогу прозреть в этом, но вдруг случится какое-нибудь перерождение, и в своём новом образе я смогу принять свой новый быт. Что же будет? А что, если это перерождение уже произошло, а я даже не догадываюсь? Может, в прошлой жизни я был чем-то невообразимым, трансцендентным, и свой нынешний быт я поистине могу назвать уникальным? Быть может. Зна-

чит, я должен максимально наслаждаться своей участью самого незначительного купца, живущим непонятно ради чего? Значит так. Получается, нужно этому научиться. Получается, нужно полюбить весь этот мир, всю его сущность, всё житьё-бытьё.

Наша вереница приступила продвигаться по тротуару: мы в центре города. Построения сгущались, и несмотря на пелену, создаваемую дождём, строения всё же можно было разглядеть. Тротуар из квадратных плиток, чередующихся чёрным, зелёным и коричневым цветами был изуродован слякотью. Пейзаж из неуклюжих хлипких домов цвета махагон сменился на крепкие сложные построения из камня, на стенах которых были сотворены различные узоры, изображающие дожди, ветра, звёзды и всевозможные идеи. На всех зданиях были неаккуратно разбросаны окна, которые, очевидно, были закрыты в связи с непогодой. Дождь неуклюже стучал по брусчатке и домам.

Когда вереница стала заворачивать за угол, в шум врезалось резкое и решительное, – Стоять! – направляющего. Я запоздало отреагировал, остановив скотину, и попытался разузнать по какой причине направляющий решил здесь остановиться. Караван волной начал издавать гомон, – Ах! Что это? Не верю своим глазам! – издавались фразы из толпы. Я резво спрыгнул со скотинки и неуверенно пошагал вперёд с целью увидеть, чему все испугались. Все разом замолкли. Дождь никак не давал лицезреть то, что он прячет

в себе, всё что я видел, так это площадь со скамьями, на которой плиткой был уложен уникальный узор. Сделав чуть меньше десятка маленьких шагов, почти что на месте, мне наконец удалось увидеть то, что стало причиной остановки нашего передвижения.

Это было нечто невообразимое: некое необычное явление почти в самом центре этой площади, само оно выглядело что-то между высоким всплеском воды, в которую упало что-то очень тяжёлое, и широким деревом, очень текстурным и детальным деревом с которого опала вся листва, и которое уж точно не было похоже ни на одно известное нам дерево. Будто бы паутиной оно соприкасалось с каждой поверхностью поблизости. Помимо этого, оно состояло из нескольких сфер, которые переливались друг в друга. В этих сферах будто бы виднелся весь наш город, и не только нынешний, но и словно прошлый, и даже будущий, что я явно выдумал. Это явление также издавало некоторый звук и некоторый запах. Стоял очень низкий гул, едва уловимый ушами, в высоких тонах игралось что-то наподобие мелодии, сыгранной на чём-то уж точно не музыкальном. Слышались даже просто ритмичные колебания, были и неожиданные, случайные неритмичные звуки, чьё происхождение невозможно было угадать. Среди них было что-то похожее на грозу, крики животных, падение чего-то тяжёлого, лопанье чего-то натянутого и скрежет металла. Был также и просто шум, подходящий на шёпот на иностранном языке. За-

пах же был очень резким, словно металлический, болотный, смесь всех ароматных цветов и экскрементов, в общем, каждый аромат перебивал другой. Каждая капля дождя, падающая на эту аномалию, как будто бы испарялась и рождала свет, отчего аномалия сверкалась. Весь караван был насквозь ошеломлён, что он лицезрел пред собой, но направляющий решил сделать самое непредсказуемое, что могло когда-либо взбрести ему в голову, и он направился в сторону этого явления. Некоторые из толпы попытались остановить его словом, но побегать за ним никто не решился. Он уверенно шагал, твёрдо переставляя ноги, и крепко держа напряжённые кулаки, словно он собирался сразиться с этим нечто. Вся вереница замерла в ожидании какого-либо события. Когда направляющий подошёл к аномалии, он глубоко всмотрелся в её просторы. Внезапно ему пришла идея ещё более сумасшедшая, и он нелепо направил свою правую руку в сторону явления. Оно будто поглотило руку, однако по виду направляющего не сказать, что он был этим напуган. Вдруг он весь напрягся, чуть ли не отпрыгнул от аномалии, попятившись, он оступился и упал на локоть. Толпа издала вопль испуга. Опрометью поднявшись, он схватился за голову левой рукой и смешно пошаргал в нашу сторону, оглядываясь на это ужасное явление. На полпути он и вовсе рывком полетел, словно вот-вот оно взорвётся. На его лице был нарисован грандиозный ужас, гримаса искривилась в боли и страхе пред неизвестным. Подбегая к нам, в самом конце

пути он чуть было вновь не упал на предплечья. В кратчайший срок все подлетели к нему, чтобы выслушать и узнать, что же такого с ним там произошло. Он, сев на тротуар, учащённо и глубоко вздыхал, не отпуская руку со лба, находился в мандраже, отчего не мог вымолвить ни одного словечка. Самые умелые спохватились о том, что требуется как-либо помочь ему. Некоторые пытались скормить направляющему снадобья, однако тот стремительным взмахом руки отказывался от употребления препаратов. Он даже, как свойственно ему, издал громкий рёв, что вокруг него образовалась небольшая полость, будто все думали, словно он начнёт пинаться и драться. Направляющий в конечном итоге начал подниматься. Кто-то из толпы подорвался помогать ему, но всё же вовремя опомнился и вернулся в кучу. Направляющий попытался сымитировать свой невозмутимый вид, однако получилось это не особо совершенно.

Из толпы нетерпеливо вырывался интерес к его опыту, и в конце концов, немного постояв и собираясь с силами, думая что изложить, направляющий приступил, как думали большинство, к разъяснению того, что же с ним там произошло, — Для начала имею желанье тишины, так что будьте добры заткнуться и выслушать меня! Наша поездка в Думат в обязательном порядке завершается и отменяется на неопределенное время в связи с необъяснимыми явлениями, протекающими в нашем городе, которые потенциально могут принести вред нашему народу, и о которых мне срочно нужно

всех оповестить! Прошу всех вас загнать свой скот обратно в хлев и заняться складированием товара. В случае, если склад будет переполнен, то непременно храните товар у себя дома. И ни в коем случае не приближаться к протекающим на наших улицах природным аномалиям! Искандр! – прокричал направляющий, смотря куда-то в край толпы, – Ты будешь ответственным за мою повозку! Вы все меня услышали, так что исполните приказ! – вернувшись ко всей толпе, продекларировал направляющий, и в спешке направился куда-то в неизвестном направлении. Но не успел он сделать и пары шагов, как его поймали и начали расспрашивать о произошедшем рядом с аномалией. Видимо он понял, что вся эта толпа не отстанет, пока не получит того, что она желает, поэтому он всё таки решил рассказать о своём инциденте, – Ладно, хорошо! Так уж и быть, но извольте уняться. – орава незамедлительно приумолкла, – Когда я приближался к этому... неопознанному объекту, то довелось мне увидеть, как изображение... или, может, отражение в самом этом явлении бесконечно уменьшалось, что когда я приблизился на расстояние вытянутой руки, то удавалось мне рассмотреть подобия улиц, плит и крупинок всякой всячины. И в тот самый момент захотелось мне потрогать эти улицы, плиты и крупинки. Я тогда не думал вообще. Я тогда вообще не задумывался, что это что-то потенциально опасное. К слову сказать, что ближе к нему стало мне тепло и даже жарко. Отправившись на явление рукой, меня обескуражил тот факт, что

мою руку приступило медленно поглощать. Со стороны аномалия выглядела абсолютно гладкой, однако на ощупь она была грубо шероховатой, а её оболочка шла резкой волной. В один миг мне даже показалось, что кто-то иной дотронулся до меня в ответ. Тогда мне стало совсем жарко, словно обожгло лицо и руку. После этого я решился убежать, ибо становилось мне слишком тошно, и... в целом, довольно! Дайте же пройти! – не дожидаясь разрешения уйти, направляющий растолкал всех тех, кто столпился напротив него, и быстрым шагом направился в городской туман. Кто-то крикнул ему вдогонку, – Но куда вы спешите? – В зал городского совета управления и безопасности. – ровно, чётко и в меру громко изрёк направляющий, и испарился.

Исчез наш путеводитель, пропал пастух, осталось лишь стадо, лишь отныне вольное стадо, которое вопреки своей свободе послушалось указанию бывшему тузу. Ещё некоторое время мы стояли и оглядывались на нечто в центре площади, его природа была удивительна, она заставляла искренне наслаждаться им. Спустя неопределённый промежуток времени, мы отправились загонять скот, снимая различные сумки с изделиями, так и не ставшими продуктами торговли, и оглядывались на то самое немислимое порождение неопознанной природы. На обратном пути купеческая масса шла очень неуверенно, вглядываясь, казалось, в нескончаемую дождевую мглу, ожидая, что оттуда явится определённое нечто, то ли направляющий, то ли очередная анома-

лия, то ли ещё что-то. Уже будучи в хлеву мы совсем осели, лишь меньшинство из нас выходило наружу, остальные же оставались здесь и совместно переваривали полученную информацию. Я же был совсем отстранён от этого скопища, меня больше волновал вопрос складирования товара. Хотелось просто запрятать его в скошенной траве и вернуться за ним, когда придёт время, но в таких сырых условиях он быстро подпортится, поэтому требовалось отправиться на склад. Я понимал, что уж точно на складе не найдётся больше места, отчего я принял для себя лёгкое решение унести всё в свой кров. Что-то пошло в руки, что-то в кармашки, что-то за пазуху, что-то на плечи и спину. Планировал сбросить всё это в самое очевидное место – рядом с кроватью. Удивительно, что почти каждый поступил бы в точности так же, объясняя это тем, что если вдруг некто пожелает украсть их так дорогие для них вещишки, то они безотлагательно проснутся и помешают этому некто, хотя в конкретный момент такой персонаж особенно уязвим. Однако мне больше не хотелось думать, куда же мне нагромоздить этот хлам, поэтому я смирился и превратился в такую персону, какую я высмеиваю и принижаю. Выйдя наружу, я вновь ощутил агрессивные прикосновения дождя на себе, в хлеву я успел слегка отдохнуть от этого ощущения и совсем отвык. Перед собой я увидел некоторого патрульного, он стоял очень грозно, раздвинув ноги и опустив голову. Весь он был каким-то напряжённым, видимо, из-за дождя. В ответ, увидев меня, он проинформи-

ровал меня о том, что я должен срочно направиться домой. В целом, никуда мне сегодня больше и не хотелось, разве что в санаторий другого края, за блаженным чувством беззаботности. Я сказал тому, что и так спешу домой, и сразу завернул за какое-то здание. По моим ощущениям, ливень словно усилился. По-видимому, я в действительности совсем отвык от дождя, проведя такой маленький срок в хлеву, однако всё равно казалось, что поле зрения моё уменьшилось. Добро, что это не преграда, дорогу домой я знаю наизусть.

Узкий просвет ступал далеко вдаль, дома по бокам давили на меня и с каждым шагом словно становились ближе друг к другу, сжимая пролёт вдаль. Благо мне это померещилось, и чрез миг я оказался на однокровной улице, на которой должно быть мне суждено прожить всю свою оставшуюся жизнь. Она отличалась от других улиц тем, что она больше всех нагромождена всякими колесницами, бочками и лестницами, и во всём городе она была ярче всех освещена фонарями, стоящими на каждом шагу, стёкла которых, в силу своего времени, были уже слегка помутневшими. Я завернул направо и направился по диагонали к своему дому.

Из-за обильного дождя слякоть поступала на плитку, переоплощя её в плохое покрытие для чистой обуви, по которой мне суждено было пройти, так ещё и сколько пришлось по мягкой земле прогуляться. Проще говоря, сапоги мои были не в самом лучшем облике. Я топнул пару раз подошвой, немного побил ступнёй об ступеньку, и в целом, вся

застрявшая грязь высвободилась, однако сапожки всё так же оставались измазаны печалью. Я спустился вниз по ступенькам в подъезд, чей вход был на цокольном этаже, и достал из своего карманчика на груди заплатанный платочек: это было единственное, что осталось у меня с детства; сколько же всего он в себя впитал, и сколько его новых предназначений я открыл для себя с течением времени. Я протёр лицевую часть обуви и мыски. Теперь мои ноги выглядели более-менее прилично, жаль, что эта приличность на них не долго продержится, лишь до первого повторного выхода на улицу. Ну что же, пока что она чистая, а значит беспокоиться нечего.

Приоткрыв дверь и войдя в образовавшуюся небольшую щель, я слегка прошелся по коридорчику и подошёл к кабинету помещицы. Подъезд изнутри был очень грозным и выглядел как старый монах, будто он существовал задолго до появления всего этого здания и его жителей. Я заглянул из-за угла и спросил в пустоту, – Рьяра, вы здесь-м? – изречённая мною фраза прошлась по всей обширной комнатухе с бумажками. Внезапно где-то за столом зашумело. Из-за высокой стопки бумаг вышла, поднимаясь с колен, слегка тощая бабка с шумными браслетами на тонких руках, словно погремушки, и, несмотря на свой несвежий и уставший вид, на ней было совершенно свежая и новая сорочка без рукавов, идущая ниже колен. У неё были седые волосы в косыне, дабы не мешали работе, и маленькие очки, выглядящие так,

будто вот-вот упадут, и которые, скорее всего, уж совсем не подходят для её зрения. А по её оскорбительному маленькому росту можно пронаблюдать влияние времени на тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.